

Софья Оршатник

г. Москва

вот комнаты – матрёшка в ней матрёшка
и в ней матрёшка – сталинская трёшка
утратившая зрение и слух
псише трюмо зовите антиквара
пусть этажерке уготовит кару
а мы не здесь мы люлех палех лух

мы верхнийландех странная считалка
в печной трубе измученная галка
заканчивает свой земной полёт
в село вливает человек на лодке
чтоб отобрать у нашей черноплодки
её гнилой последний черноплод

земля наутро становилась пухом
я объясняла засыпавшим мухам
вы не умрёте это лишь зима
безумные собаки ночью выли
я просыпалась кажется в могиле
но не могла утешиться сама

пускай от неба войлок оторвётся
ты не умрёшь ты спишь внутри колодца
пока вода сосёт осевший сруб
не называйся этим мерзким словом
то слово пахнет поминальным пловом
ты поняла о чём я – словом труп

а я вчера видала у колонки
старушку двухсотлетнюю святую
просвирку вынимает из платочка
сует под нос какие-то иконки
мне на погосте маленькую тую
ты посади как время будет дочка

вода течёт налево и направо
лежащий камень в озере абрау
а вот змея прокладывает путь
вдоль берега блестящим чёрным телом
в зените солнце делается белым
я наблюдаю не тревожь забудь

должанский пляж советские турбазы
взгляд снизу вверх на высохшие вязы
взгляд на былинку на велосипед
лежим в тени на общем полотенце
мы савроматы мы переселенцы
тень уползает наступает свет

аб-ра-у и а-на-па и дол-жан-ка
три клавиши задетые случайно
а мы нашли внутри фортепиано
кусочек мыла треснутую банку
и обнимались посреди таймлайна
пока тепло светло обетованно

мы откопали несколько иголок
булавок шпудлек пуговиц и кнопок
берет из фетра клетчатый осенний
и ты вздохнул как древний археолог
вздыхает после месяца раскопок
устан от хлама от перечислений

у нас в избушке семеро по лавкам
мы трясавицам лихоманкамнавкам
выносим в сени выпить и поесть
они привыкнут к человеческой пище
мы гончаковокромыбеклемищи
мостовкасуздаль мы уже не здесь

радиола, радиоприемли
бой курантов, голоса кремля.
новый год обнюхивает землю,
и бледнеет в ужасе земля.
белая тревожная равнина
сорок дней рыдала, не спала.
натюрморт: варенье, апельсины,
ёлки-палки посреди стола.
ты зачем на стол-то приволок их? —
лучше бы орехов и конфет...
что нам, право, до саней далёких,
свет небесный, одинокий фет...

не прислоняться нятьсяяться
змеиный голос ставят на repeat
как много боли много но не вся
ай люли люли кто в тоннеле спит

последний поиск красной буквы «м»
последний поезд мимо человек
ай люли люли съехавших совсем
сжираетхтонь у выхода наверх

Волшебник гостям демонстрирует
чудное чудо,
Закончился танец, позвали увидеть
корриду.
Покинем же сад, растворимся,
любезный мой сударь,

В дыхании мальв. Не сочтите за девичью

придурь.

Когда я одна, это чувство похоже на якорь.
Из маленьких рук выпадает привычная утварь.
Вы рядом и нет, Ваше странное сердце двояко.
Темнеет в саду, но должно проясниться
наутро.

когда метель впадает в чёрный лес
приобрети плетение словес
не в колокше не в вологде нигде
но в беспокойной мартовской воде
где бред и бредень тонкая леса
пронизывает бусин словеса
пуглива рыба и вода жива
вдоль рукава ледышки-кружева
большой моллюск холодного песка
ворочающий телом языка
плетение словес зелёный прут
ком белой глины с красной перетрут
большой глоток воды на полпути
приобрети его изобрети

Ты гладишь свечи, и ручное пламя
Не исчезает, остаётся с нами,
Бежит к земле густой медовый воск.

Рассыплются на бусины браслеты,
Под босоножкой развернётся лето,
Слепящий росчерк золотарных розг.

Я обещаю, что-нибудь случится.
Вспорхнет с куста тревожная синица.

Следи за ней, не открывая глаз,
Невиденьем прекрасное калеча.

Кому-то в храме зажигают свечи,
И это пламя остаётся в нас.